

МОТИВ МЕТЕЛИ В ПОЭЗИИ Б. ПАСТЕРНАКА

*Вахидова Нигора Абдузугурова
преподаватель кафедры русского языка и литературы
Самаркандинского государственного педагогического института;
Нормирзаева Ирода
студентка 3 курса факультета языков
Самаркандинского государственного педагогического института.*

Аннотация. В данной статье рассматривается семантика и метафизика мотива метели в поэтическом наследии Б. Л. Пастернака, ставшего одним из центральных образов его художественного мира. Автор исследует эволюцию этого образа от раннего футуристического динамизма до философской сосредоточенности поздней лирики и романа «Доктор Живаго». В работе анализируется метель не просто как природное явление, а как сложный символ, объединяющий в себе стихию истории, творческое озарение и сакральный смысл человеческого бытия. Особое внимание уделяется анализу стихотворения «Зимняя ночь», ставшего вершиной пастернаковской «зимней» метафизики, где метель выступает как враждебный внешний хаос, противопоставленный хрупкому свету свечи — символу жизни и любви.

Ключевые слова: Б. Л. Пастернак, мотив метели, зимний пейзаж, метафора, стихия, творческий процесс, «Зимняя ночь», символ свечи, метафизика бытия.

Поэзия Бориса Пастернака — это всегда диалог с мирозданием, попытка уловить «дыхание жизни» в её самых мощных и стихийных проявлениях. В этом контексте мотив метели занимает особое место, становясь своего рода визитной карточкой его лирики. Для Пастернака метель — это не просто холодный ветер со снегом, это само движение мирового духа, захватывающее в свой круговорот и природу, и историю, и частную судьбу человека. Образ метели проходит через всё творчество поэта, меняясь от дерзкой и шумной стихии в ранних сборниках до тихой, почти библейской чистоты в поздних циклах. Исследование этого мотива

позволяет приоткрыть завесу над тем, как поэт воспринимал хаос и порядок, и какое место он отводил человеку в вихре неуправляемых сил бытия.

Образ метели в раннем творчестве Пастернака несет в себе мощный заряд футуристической энергии и витализма. Снежная буря здесь — это прежде всего динамика, преображающая привычное городское пространство. В ранних стихах метель «лепит» мир заново, она смешивает планы, стирает границы между предметами, превращая реальность в одно сплошное движение (1. 68). Для молодого поэта это состояние хаоса является творческим, ведь именно из такой неупорядоченности рождается новая метафора. Метель у раннего Пастернака — это символ самого поэтического вдохновения, которое врывается в будни, нарушая их покой и заставляя мир выбирать в унисон с чувствами автора. Важнейшей гранью пастернаковской метели является её связь со стихией истории. В эпоху революционных потрясений образ снежной бури становится метафорой социального сдвига, который невозможно остановить. Однако, в отличие от Блока с его «черным снегом», Пастернак видит в исторической метели не столько разрушение, сколько органический процесс обновления. История для него — это тоже природа, только в её социальном масштабе. Буран на страницах его произведений часто символизирует неумолимое время, которое заметает старые следы, подготавливая почву для новой жизни, даже если этот процесс сопряжен с личными трагедиями и потерями.

В философском аспекте метель у Пастернака выступает как символ «всеобщности» бытия. Снег, покрывающий землю, объединяет всё сущее в единое белое пространство, где стерты сословные и личные различия. В этом смысле метель — это уравнивающая сила, возвращающая человека к его изначальному, природному состоянию (2. 44). Поэт часто подчеркивает, что в разгар бури человек особенно остро чувствует свою хрупкость и одновременно свою причастность к вечности. Метель заставляет героев Пастернака остановиться, вслушаться в гул мироздания и осознать, что они — лишь искры в этом огромном снежном вихре, имеющем свою скрытую логику.

Центральное место в изучении данного мотива занимает стихотворение «Зимняя ночь» из романа «Доктор Живаго». Здесь метель достигает своего высшего символического напряжения. Образ «мелю, мело по всей земле, во все пределы» создает ощущение планетарного масштаба события (3. 368). В этом стихотворении метель противопоставлена свече, которая «горела на столе».

Этот конфликт между вселенским холодом бушующей стихии и крошечным, но теплым светом человеческой жизни и любви является ключом к пониманию философии Пастернака. Метель здесь — это внешний мир, полный опасностей и забвения, а свеча — это дух, творчество и память, которые сопротивляются тьме.

Интересно, что в художественном мире Пастернака метель часто обладает чертами разумного существа. Она «шепчет», «стучится в окно», «заглядывает» в дома. Поэт наделяет стихию голосом, превращая её в собеседника (4. 224). Это одухотворение природы позволяет Пастернаку показать, что мир вокруг нас не мертв и не безразличен. Метель вступает в интимную связь с внутренним миром лирического героя: его душевное смятение находит отражение в порывах ветра, а его надежды — в чистом белом сиянии свежевыпавшего снега. Таким образом, зимняя стихия становится зеркалом человеческой души.

Отдельного внимания заслуживает роль метели в процессе творчества. Для Пастернака писать — значит «переносить» на бумагу шум и свист ветра. Зимняя стужа часто сопутствует моментам высочайшего творческого подъема его героев (5. 271). Именно когда за окном бушует непогода, в натопленной комнате рождаются лучшие строки. Метель словно отсекает всё лишнее, суэтное и мелкое, оставляя поэта наедине с чистым листом и вечностью. Она создает необходимую изоляцию, «заметает» пути к будничной суете, позволяя сосредоточиться на главном — на поиске смысла и формы.

В позднем творчестве образ метели претерпевает значительную трансформацию, обретая почти религиозную прозрачность. Снег становится символом чистоты и искупления. Метель уже не пугает своим хаосом, она кажется благодатным покровом, который скрывает несовершенство мира. В стихах из цикла Юрия Живаго зимний пейзаж часто связывается с евангельскими мотивами.

Рождественская звезда и снежная мгла объединяются в едином ощущении чуда. Здесь метель — это уже не разрушительная сила истории, а тихий шелест вечности, напоминающий о том, что после всякой зимы и всякого бурана неизбежно следует воскресение.

Завершая разбор этого мотива, необходимо отметить его композиционную роль в крупных произведениях Пастернака. Метель часто становится поворотным моментом сюжета, когда герои встречаются или расстаются под влиянием стихии. Она выступает как «режиссер» жизни, сводя людей в случайных путевых домах или разводя их навсегда (б. 128). Это подчеркивает убежденность Пастернака в том, что судьба человека управляет не его волей, а великим «током жизни», который проявляется в таких стихийных явлениях, как снежная выюга. Метель — это ритм самой судьбы, положенный на музыку зимнего ветра.

Подводя итог исследованию мотива метели в поэзии Б. Л. Пастернака, можно сделать вывод, что этот образ является одним из наиболее емких и многогранных в его художественной системе. Пройдя эволюцию от дерзкого футуристического символа до глубокого метафизического образа, метель стала для поэта универсальным языком общения с миром. Пастернак сумел увидеть в снежном хаосе не угрозу жизни, а её высшее проявление — мощное, неостановимое движение, в котором боль и радость, смерть и воскресение слиты в едином порыве. Философский конфликт метели и свечи, стихии и дома, истории и частной судьбы разрешается у Пастернака не победой одной силы над другой, а их величественным сосуществованием. Поэт учит нас тому, что истинное величие человеческого духа проявляется именно в моменты столкновения с безграничной стихией. Метель в его стихах — это напоминание о том, что жизнь прекрасна в своей непредсказуемости и масштабности, а задача художника — запечатлеть это кружение, придав ему бессмертную форму слова (7. 424). В конечном счете, пастернаковская метель — это гимн жизни, которая продолжается вопреки любым буранам и холодам истории, вечно стремясь к свету и теплу человеческого сердца.

Таким образом, метель в художественной системе Бориса Пастернака перестает быть просто климатическим фоном, превращаясь в действующее лицо мировой

драмы, где природное и историческое начала неразрывно слиты. Эта стихия становится для поэта символом «всеобщей одухотворенности» материи, в которой даже холодный снежный вихрь несет в себе зачатки будущего смысла. Пастернак утверждает, что человек не должен бежать от метели жизни или пытаться её обуздывать; его истинное предназначение — открыться этому движению, сохранив в себе искру творческого огня. Через мотив метели автор передает ощущение грандиозности бытия, в котором хаос — это лишь временная форма еще не родившегося порядка. В этом контексте пастернаковская зима — это не время оцепенения, а период великого созревания духа, когда под снежным покровом, среди вынужденных сомнений, вызревает бессмертная истина о торжестве жизни над тленом и забвением.

Список использованной литературы:

1. Пастернак, Б. Л. Полное собрание сочинений с приложениями : в 11 т. / Б. Л. Пастернак ; под общ. ред. Д. В. Быкова. — М. : СЛОВО/SLOVO, 2003–2005.
2. Лихачев, Д. С. Борис Леонидович Пастернак // Пастернак Б. Л. Собрание сочинений : в 5 т. — М. : Художественная литература, 1989. — Т. 1. — С. 5–44.
3. Альфонсов, В. Н. Поэзия Бориса Пастернака / В. Н. Альфонсов. — Л. : Советский писатель, 1990. — 368 с.
4. Баевский, В. С. Пастернак / В. С. Баевский. — М. : Лабиринт, 1999. — 224 с.
5. Лотман, Ю. М. Анализ поэтического текста / Ю. М. Лотман. — Л. : Просвещение, 1972. — 271 с.
6. Фатющенко, В. И. Мир Пастернака / В. И. Фатющенко. — М. : Изд-во МГУ, 1998. — 128 с.
7. Гаспаров, М. Л. О Пастернаке : Сборник статей / М. Л. Гаспаров, И. Ю. Подгаецкая. — М. : Новое литературное обозрение, 2013. — 424 с.